

В этот момент в голове Сюй Цинхэ пронеслось множество воспоминаний: взгляд Чжан Лили, полный разочарования и его спина, удаляющаяся с решимостью.

Сюй Цинхэ медленно опустил палочки: “Брат...”

Но Чжан Лили перевёл взгляд на Пэй Шэнье, голос стал серьёзным:

“Господин Пэй, Цинхэ ещё молод, не всегда может отличить, что важно, а что нет. Вы — его начальник и старше его. Не думаете ли вы, что...”

“Брат”, — перебил его Сюй Цинхэ: “Это я был неправ. Позволь мне представить его заново. Это мой... любимый человек. Мы уже официально зарегистрировали отношения”.

Чжан Лили резко повернулся и ошеломлённо уставился на него.

Лицо Пэй Шэнье, с момента входа остававшееся хмурым, наконец смягчилось — уголки губ даже чуть приподнялись.

Он посмотрел на Чжан Лили и сказал: “Господин Чжан, вы правы. Я действительно его начальник, старше его и, к тому же, его партнёр. Разумеется, я должен хорошо заботиться о нём”. — С этими словами он снова положил Сюй Цинхэ еду в тарелку.

Разумеется, на этот раз он вёл себя сдержаннее и положил еду прямо в миску Сюй Цинхэ.

Сюй Цинхэ не стал на это реагировать — он напряжённо смотрел на Чжан Лили.

Тот несколько секунд молча вглядывался в него, затем отложил палочки.

У Сюй Цинхэ в груди кольнуло — стало тревожно.

Сдерживая гнев, Чжан Лили спросил: “Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?”

Сюй Цинхэ опустил взгляд: “Я уже говорил тебе: мне не нравятся девушки”.

Чжан Лили со всей силы ударил кулаком по столу — посуда и палочки подскочили от удара.

Выражение беззаботности исчезло с лица Пэй Шэнье. Он выпрямился и холодно уставился на Чжан Лили.

Дядя Лю и Шэнь Дун затаили дыхание, не смея даже пошевелиться.

Чжан Лили был в ярости, глаза полны гнева: “То, что тебе не нравятся девушки, не значит, что ты можешь творить, что вздумается!” — Он смотрел на Сюй Цинхэ, будто тот совершил нечто непростительное, и резко выкрикнул: “Разводись! Прямо сейчас разводись и поехали домой!”

Пэй Шэнье холодно сказал: “Господин Чжан, я...”

Сюй Цинхэ поднял руку, останавливая его, но взгляд не отводил от Чжан Лили: “Брат, я не понимаю. Ты ведь не тот человек, который судит других. Почему ты против? Почему ты умеешь быть только против!?” — Глаза его покраснели.

Чжан Лили выглядел так, словно ему самому было ещё больнее: “Если бы ты действительно просто влюбился... Я... Я не должен был позволять тебе пойти по этому пути. Я и подумать не мог, что ради славы и выгоды ты откажешься даже от собственного достоинства!”

Сюй Цинхэ: “Вот как ты меня видишь? Да, именно так ты меня всегда и видел”.

В прошлой жизни, когда всплыли слухи, что он якобы стал содержанцем, супруга одного из боссов лично приехала на съёмочную площадку и, на глазах у камер и зрителей в прямом эфире, ударила его по лицу несколько раз. Репутация Сюй Цинхэ рухнула.

Именно тогда Чжан Лили вмешался, заставив его покинуть индустрию и вернуться домой с ним.

Но разве Сюй Цинхэ мог так просто сдаться?

Он ничего не сделал, а его опозорили на всю страну. Как он мог просто так уйти из шоу-бизнеса?

Они тогда жестоко поссорились.

Сюй Цинхэ до сих пор помнил те резкие, жестокие слова Чжан Лили — каждое словно нож: “Ты что, совсем без члена жить не можешь? Ради славы даже женатых стариков не гнушаешься?!”

“Чистый? Какой к чёрту чистый? Ты сам посмотри на те следы на себе в том видео! Ты называешь это чистотой?”

“Я до конца жизни не хочу слышать, как ты называешь меня братом!”

*

Смотря на переполненного яростью Чжан Лили, Сюй Цинхэ сжал кулаки, глубоко вдохнул и сказал: “Какой я человек — не тебе судить. Если тебе это не нравится, я буду держаться от тебя подальше ...”

“Мне не нравится?!” — Чжан Лили буквально взорвался: “Ты только выпустился, сколько людей ты вообще знаешь? Ты понимаешь, что такое брак? Что такое “любимый человек”?! Я вижу, ты просто ослеплён деньгами!” — Он был вне себя от ярости: “Не удивительно, что ты не решаешься вернуться домой, ты ведь знаешь ...”

“Не говори мне про “дом”, — перебил его Сюй Цинхэ: “Мой дом — никогда не имел к тебе, к вам никакого отношения”.

Чжан Лили словно получил пощёчину — ошарашенно уставился на него: “В твоих глазах я даже не имею права называться твоей семьёй??”

Глаза Сюй Цинхэ сразу покраснели: “Это я недостойн. Я тщеславный, я низкий. Я только и делаю, что кручу романы в шоу-бизнесе с мужчинами — значит, я...”

Пэй Шэнье закрыл ему рот ладонью, а второй рукой погладил по спине:

“Всё, не надо”, — его голос был глухим, с нотками утешения: “Пойдём домой”.

Широкая ладонь заслонила свет — и скрыла его слёзы.

Сюй Цинхэ постоял немного, успокаиваясь, затем опустил его руку, посмотрел на растерянного, ошеломлённого Чжан Лили и сказал: “Я хотел сначала скрыть это... Хоть немного сохранить то братское, что было между нами за эти годы. Но, похоже, я зря надеялся”.

Он взглянул на недоеденные блюда, совсем потеряв аппетит, и встал: “Ешь сам... Дядя Лю, проводите его потом до отеля”.

Дядя Лю неловко поднялся: “Хорошо”.

Сюй Цинхэ взял за руку поднявшегося Пэй Шэнье: “Пойдём”.

Чжан Лили тут же вскочил, преградив им путь, в его лице смешались растерянность и паника:

“Я не... Цинхэ, я не это имел в виду...”

“Господин Чжан, лишние слова ни к чему”, — Пэй Шэнье оттянул Сюй Цинхэ за себя, не давая тому снова заговорить: “Если тебе хоть немного не безразличны прежние братские отношения,

отойди”.

Чжан Лили перевёл взгляд на его лицо, не скрывая в глазах ненависти: “Это дело между мной и Цинхэ. Это не твоё дело”.

Пэй Шэнье усмехнулся с пренебрежением: “Если бы ты хоть немного вёл себя как настоящий брат...”

Он просто вытянул руку, оттолкнул его в сторону и, прикрывая Сюй Цинхэ, повёл его к выходу.

В этот момент официант как раз вошёл с подносом.

Они разминулись буквально плечом к плечу.

Чжан Лили, собиравшийся схватить Сюй Цинхэ, чуть не врезался в официанта, тот от испуга чуть не упал назад.

Чжан Лили поспешно протянул руку, чтобы удержать поднос. За это короткое время Сюй Цинхэ и Пэй Шэнье уже свернули за угол и исчезли из виду.

Под извиняющийся лепет официанта Чжан Лили застыл на месте, долго не двигаясь.

*

Сюй Цинхэ сел в “Майбах”, бросил взгляд на телохранителя и водителя на переднем сиденье и тихо пробурчал: “Извини, из-за меня ты остался без обеда”.

Пэй Шэнье потрепал его по голове: “Ещё рано, поедим поедим в другом месте”.

Сюй Цинхэ не чувствовал голода, но не хотел, чтобы тот голодал вместе с ним, поэтому с трудом улыбнулся: “Хорошо, выбери сам”.

“Ладно”, — Пэй Шэнье продиктовал водителю адрес, заодно опустил перегородку между передним и задним сиденьем.

Сюй Цинхэ опустил взгляд, тихо сказал: “Извини... За то, как я тебя представил. Ты не злишься? Я не хотел скрывать это специально...”

Когда он представлял Пэй Шэнье, он назвал его просто другом...

Он был ужасно подавлен:

“Я думал, у нас будет время, чтобы всё наладить постепенно...” — Сейчас же никаких грязных слухов, ничего похожего на прошлую жизнь, разве не лучше? А всё равно всё вылилось в такой скандал...

Пэй Шэнье приподнял ему подбородок, успокаивающе поцеловал и мягко сказал: “Ничего страшного. Как бы ты меня ни представил — это не меняет сути”.

Пэй Шэнье погладил уголок его глаза и мягко успокоил: “Если тебе правда нравится еда в том ресторане, в следующий раз сходим туда вдвоём”.

“Хорошо”.

Они свернули к другому ресторану и пообедали чем-то простым. После этого Пэй Шэнье отвёз его обратно в особняк.

Так как у него были дела во второй половине дня, он не собирался выходить из машины, только, держась за руку Сюй Цинхэ, который уже открывал дверь, спросил:

“Хочешь поехать со мной в офис?”

За это время Сюй Цинхэ уже полностью пришёл в себя и услышав вопрос, лишь закатил глаза: “А мне там что делать? Смотреть телевизор в офисе? Лучше уж дома — экран больше и малыш будет со мной”.

Убедившись, что с ним и правда всё в порядке, Пэй Шэнье только сказал: “Ладно, если что — звони”.

Сюй Цинхэ вдруг что-то почувствовал, взглянул на перегородку, которая ещё не успела опуститься, наклонился и прикусил уголок его губ: “Понял”.

Пальцы Пэй Шэнье чуть вздрогнули...

Сюй Цинхэ тут же выскочил из машины, махнул рукой: “Работай хорошо! Зарабатывай деньги — ты кормишь семью!”

Бам! — хлопнула дверь, и он, вприпрыжку, побежал домой.

Пэй Шэнье: “...”

Неплохо. Снова стал прежним — живой и бодрый.

Maybach снова завёлся, свернул за угол и уехал от особняка.

За затемнённым стеклом Пэй Шэнье с хмурым взглядом разговаривал по телефону: “...Следите за ним. Если он свяжется... тогда...”

*

Избавившись от всех тревог, Сюй Цинхэ вернулся в особняк. Малыш как раз спал днём, поэтому он сначала пошёл в ванную — принять душ и переодеться.

Когда он вышел, приведя себя в порядок, вернулся дядя Лю.

Он немного колебался, но всё же спросил: “А как мой б... господин Чжан?”

Дядя Лю почесал в затылке: “Да ничего вроде... Поел. А потом мы с Дунцзы отвезли его обратно в отель”.

Сюй Цинхэ ведь уехал с Пэй Шэнье, так что Шэнь Дун, который был и телохранителем, и временным помощником, как бы “закончил смену” и поехал вместе с дядей Лю.

Сюй Цинхэ: “Понятно”.

Дядя Лю немного подумал, потом нерешительно добавил: “Цинхэ, я, может, не в своё дело лезу... но после того, как ты ушёл, господин Чжан выглядел так, будто душу из него вынули. Совсем не похоже, что он к тебе равнодушен... Всё-таки вы братья, и между братьями не бывает непреодолимых обид. Просто поговорите по-человечески”.

Сюй Цинхэ на миг замер:

“Правда?..” — Он натянуто улыбнулся: “Хорошо, я понял”.

Дядя Лю больше ничего не сказал и ушёл к себе.

Сюй Цинхэ некоторое время стоял на месте, оцепенев, пока няня не вышла с малышом.

Малыш только недавно научился ходить, но двигался медленно: сделав пару шагов, он сразу переходил на ползание и сновал по полу туда-сюда.

Няня неотступно шла за ним, весело аплодируя:

“Наш зайка такой молодец! Давай-давай, вперёд!”

Сюй Цинхэ, услышав шум, пришёл в себя и поспешил навстречу:

“Зайка, ты помнишь, кто я?”

*

Он провёл с малышом весь день — с этим наивным, ещё ни о чём не подозревающим ребёнком. К вечеру пухлый комочек снова его принял и начал называть “папа”. Да-да, за те два месяца, что Сюй Цинхэ провёл на съёмочной площадке, малыш наконец научился правильно выговаривать слово “папа”, перестал звать его “па-па, па-па”.

Этот маленький сюрприз окончательно развеял все его мрачные мысли. И он с восторгом поцеловал малыша десятки раз.

Весь вечер прошёл незаметно — время с малышом летело быстро.

Когда Пэй Шэнье вошёл в дом, он увидел, как отец и сын сидят на ковре в гостиной и играют в кубики. Его взгляд потеплел и он подошёл ближе.

“Почему ещё не отдыхаете?”

Сюй Цинхэ обернулся на голос, увидел его и заулыбался: “Ты уже вернулся”, — и, помахав кубиком в руке, недовольно добавил: “Этот маленький упрямец не хочет спать, ждёт тебя”.

Хотя на самом деле ещё не было и девяти вечера, так что он особо не настаивал.

Он с лёгким упрёком сказал: “Неблагодарный малыш... А ведь я растил его, не жалея ни сил, ни заботы”.

Пэй Шэнье посмотрел на его недовольное лицо, но тот уже склонился к пухлому ребёнку и осыпал его поцелуями. Пэй Шэнье с хладнокровной невозмутимостью заметил: “Сам виноват, не можешь смотреть, как он плачет. Уж слишком добрый — такие матери только балуют детей...”

В него тут же прилетел кубик.

Сюй Цинхэ: “Не умеешь говорить — лучше молчи. Иди уже в душ, чего в костюме щеголяешь?”

В обед Пэй Шэнье ещё засучивал рукава рубашки, хоть как-то создавая более расслабленный вид. А вот после обеда, похоже, были встречи или совещания — он не только застегнул рубашку, но и надел подогнанный по фигуре пиджак.

С его ростом, длинными ногами и резкими чертами лица этот костюм смотрелся чертовски эффектно. Настолько эффектно, что Сюй Цинхэ едва скрывал зависть.

Пэй Шэнье:

“А?”

Он опустил глаза, посмотрел на свой наряд и с недоумением спросил: “Пиджак с рубашкой — это, по-твоему, не подходящее?”

Сюй Цинхэ замешкался, тут же запустил в него очередной кубик: “Ты ослышался! Убирайся отсюда!”

Пэй Шэнье: “...”

Глядя на этого колючего, но при этом покрасневшего до ушей мальчишку, он будто бы что-то понял, приподнял бровь: “Тебе нравится, как на мне смотрится костюм?”

Сюй Цинхэ схватил пригоршню кубиков и швырнул в него: “Чушь собачья! Ты дикарь, и в костюме ты — хулиган в костюме!”

В следующий момент его подхватили и поцеловали, заткнув рот.

Сюй Цинхэ как раз стоял на коленях на ковре, и теперь его подняли в воздух — ноги ещё согнуты, всё тело нелепо висело на одной сильной руке мужчины. Удобства — ноль.

Разозлённый, он стал колотить его кулаками: “Ты... ммф... вот и... ммф... дикарь... ммф!”

Рядом малыш, увидев всё это, быстро подполз, обхватил его ногу и весело закричал: “Папа! Поцелуй!”

Сюй Цинхэ: “!”

Целоваться при ребёнке? Да он сейчас сгорит от стыда.

Но положение было неловкое — он не мог даже пошевелиться. А если Пэй Шэнье не отпустит, он и вырваться не сможет.

Тем временем малыш уже встал, держась за него, и радостно подпрыгивал на месте: “Папа, поцелуй! Поцелуй!”

Сюй Цинхэ испугался, что малыш упадёт, и хотел повернуться — но Пэй Шэнье крепкой ладонью повернул его лицо обратно.

Сюй Цинхэ: “...” Вот же подлец! Осмелев, засунул руку под пиджак и через рубашку крепко ущипнул его.

Под пальцами мышцы тут же напряглись.

Наконец его отпустили, и он с торжеством в голосе воскликнул: “Вот тебе за это... Ай! Пэй Шэнье!!”

Чёрт возьми, у него точно разбиты губы.

Пэй Шэнье нахмурился, глядя на него: “Всё время нарываешься”.

Сюй Цинхэ сплюнул в его сторону и стал вырываться: “Не переворачивай всё с ног на голову!”

Пэй Шэнье недовольно отпустил его. Посмотрел, как тот, прижимая малыша, отходит на пару шагов, прищурился и спросил: “Сегодня вместе с ма... малышом спать будем?”

Смысл этой фразы... Лицо Сюй Цинхэ вспыхнуло, он схватил кубик и швырнул в него:

“Иди уже в душ, болтун!”

Пэй Шэнье приподнял бровь: “Ладно, иду”.

Сюй Цинхэ: “...Проваливай быстрее!”

Пэй Шэнье слегка усмехнулся уголками губ и повернулся, поднимаясь вверх.

Сюй Цинхэ только собрался продолжить строить с малышом домик из кубиков, как тот вдруг обнял его за лицо и начал целовать в губы, подражая действиям отца.

Сюй Цинхэ: “...”

Хотя... но всё же...

Он поспешно опустил малыша на пол: “Малыш, нельзя подражать папе, это плохое поведение, понял?”

Малыш радостно запрыгал: “Папа, поцелуй!”

Сюй Цинхэ строго: “Нет, целоваться нельзя. Детям можно целовать только в щёчку, в губы — это не гигиенично!”

Малыш его вовсе не понял, продолжал кричать: “Папа, поцелуй!”

Сюй Цинхэ: “...Малыш, будь хорошим...”

Вдруг на столе завибрировал телефон.

Сюй Цинхэ схватил один из кубиков и показал малышу: “Идём, давай дальше строить домик, хорошо?”

Малыш сразу заинтересовался красным кубиком, схватил его и с радостью швырнул в кучу.

Сюй Цинхэ дал ему ещё два и, поднявшись, пошёл за телефоном.

На экране высветилось: Линь Юаньфан.

Сюй Цинхэ замер. Чжан Лили пошёл жаловаться?

Он колебался всего мгновение и звонок прервался.

Сюй Цинхэ сжал губы.

В следующую секунду телефон снова завибрировал.

Сюй Цинхэ провёл пальцем по краю корпуса, раздумывая.

Малыш рядом кричал “уа-уа”, разбрасывая кубики по всему ковру.

Сюй Цинхэ вдруг почувствовал, что отпустило. Он нажал на кнопку приёма.

“Мам...”

“Цинхэ”, — на другом конце послышался осторожный голос: “Это... Лили сегодня позвонил домой...”

“Угу, а что он сказал?” — Сюй Цинхэ уселся по-турецки, продолжая разговаривать по телефону и одновременно собирая разбросанные кубики, чтобы малыш мог дальше их разбрасывать.

“Он сказал...” — Линь Юаньфан немного помедлила: “Знаешь, я-то не особо верю... Когда ты приедешь домой? Давай лучше поговорим тогда, хорошо?”

“Нет, я в следующем месяце снова уйду на съёмки, туда-обратно слишком хлопотно. Говори сейчас, если есть что”.

Линь Юаньфан помолчала, и в её голосе послышалось сдержанное всхлипывание: “Я... я что-то сделала не так? Почему ты больше не возвращаешься домой?”

Сюй Цинхэ немного подумал и спокойно ответил: “Мам, это твой дом. Это не мой дом”.

Линь Юаньфан расплакалась: “Ты что, обижаешься, что я вышла замуж второй раз? Мамочке одной ведь было так тяжело...”

“Мама, я не обижаюсь. Я не виню тебя за это”, — Сюй Цинхэ гладил малыша по слегка отросшим волосам и тихо продолжил: “Просто я вырос. У меня теперь есть свой дом”.

Линь Юаньфан на мгновение притихла, а потом с изумлением спросила: “Ты правда, правда...?”

“Угу. Брат Чжан был прав — я уже женат. Если другие не хотят быть мне братьями, я и не собираюсь навязываться”.

Линь Юаньфан встревожилась: “Да какое же это женат?! Вы оба мужчины! Как вы собираетесь жить?!”

“Мам, этот брак признан законом”.

“Закон — это одно, но жить-то как? Вы же даже ребёнка завести не можете! А если он потом передумает? Что ты тогда будешь делать?”

Сюй Цинхэ спокойно выслушал её и лишь потом ответил: “Я от природы люблю только мужчин. Даже если бы это был не он, был бы кто-то другой. И дети — это не то, о чём я вообще думаю”.

Линь Юаньфан: “Этого не может быть! Ни у нас, ни у твоего отца в семье такого никогда не было!” — она вдруг понизила голос: “Это Чжан Лили тебя испортил?!”

Сюй Цинхэ: ...Чжан Лили любит мужчин?

Он нахмурился: “Это не имеет к нему никакого отношения”.

Но на том конце как будто всё стало ясно, и она, сбивчиво и в панике, продолжала: “Он что, воспользовался тем, что вы вместе жили?.. Ты тогда ещё ребёнком был, учился... Ты же в детстве всегда играл в дочки-матери с девочками! Ты точно тогда девочек любил!!”

Сюй Цинхэ: “...?”

Вообще-то в дочки-матери играют в самом раннем детстве.

Линь Юаньфан: “Он всё это время с тобой общался? Вы до сих пор встречаетесь тайком?”

Сюй Цинхэ был в полном недоумении: “Конечно... Он же мой... Я всё-таки зову его “братом””.

“Тьфу! Какой он тебе брат?! Какой нормальный "брат" будет делать такие мерзости, глядя на фото своего "младшего брата"?! Его отец тогда должен был его прибить!!! Цинхэ, я тебе говорю — ни единому его слову не верь! Он тебя просто сбил с пути...”

“Мама”, — Сюй Цинхэ был ошеломлён: “Ты хочешь сказать, что Чжан Лили... влюблён в меня?”

“Это ты называешь "влюблён"?!” — Линь Юаньфан вспыхнула: “Ты ведь тогда только в девятом классе учился! Это любовь к несовершеннолетним! Это извращение!!”

Сюй Цинхэ: “.....”

Любовь к несовершеннолетним — допустим. Но в девятом классе он уже был выше метра семидесяти. У кого дети такие высокие?

Но... Чжан Лили действительно его... любил?..

Чёрт...

Линь Юаньфан продолжала, сбивчиво бранясь: “Он-то хорошо устроился — схватил своё письмо о зачислении и сбежал, а ты остался, каждый день терпел придирки старика Чжана! А в чём, спрашивается, виноват мой сын? Красивый — уже преступление?! Это какое отношение к тебе имеет?!”

“Хватит”. — Сюй Цинхэ сжал пальцами переносицу и устало сказал: “Мне всё это неинтересно. И знать не хочу... В конце года я приеду тебя навестить. А остальное — не обсуждай”.

Линь Юаньфан смутилась: “А, нет... Подожди, насчёт твоей свадьбы ...”

“Женился и женился, что тут обсуждать”. — Сюй Цинхэ спокойно ответил: “Я артист, не афишировать — вполне нормально”.

“Но я же твоя мать...”

Сюй Цинхэ криво усмехнулся: “Мам, уже поздно. Завтра тебе на работу, давай как-нибудь в другой раз”.

“Нет, Цинхэ, подожди ...”

Сюй Цинхэ просто сбросил звонок.

Потом остался сидеть, уставившись в телефон.

Вот оно как, значит...

“Почему задумался?” — Пэй Шэнье с мокрыми волосами подошёл, держа в руках радостно дрыгающего ногами малыша: “А то наш малыш уже до лестницы дополз”.

Сюй Цинхэ очнулся: “А? Я просто по телефону говорил, не заметил”.

Пэй Шэнье уловил неладное, нахмурился, усадил малыша на ковёр, подошёл, встал на одно колено перед ним, приподнял его подбородок, внимательно взгляделся в лицо: “Кто звонил?”

Сюй Цинхэ хлопнул его по руке: “Ты что делаешь?”

Пэй Шэнье не отпустил его, продолжая пристально смотреть: “Говори. Хотя, если не скажешь, я сам всё узнаю”.

Сюй Цинхэ... — он закатил глаза на этого дикаря: “У тебя, что, только один такой приём?”

Пэй Шэнье опустил и слегка укусил его, чтобы успокоить: “Угу. Ну и дальше?”

Сюй Цинхэ немного колебался, опустил глаза и спросил: “Я... немного... не хочу общаться с матерью. Это... значит, что я совсем не почтителен к родителям?”

Пэй Шэнье: “Только это?” — он отпустил его подбородок и похлопал по голове: “Пустяки”.

Сюй Цинхэ опустил голову: “Мама, в общем-то, ничего плохого не сделала. Можно сказать, что она даже любит меня...”

Просто эта любовь... с изъязном”.

Пэй Шэнье сказал: “В этом мире нет настоящего равенства. Не всякая любовь требует ответа”.

Сюй Цинхэ пробормотал:

“У тебя мать умерла, тебе легко говорить”.

Пэй Шэнье: “У меня была не только мать. У меня ещё и отец есть”.

Сюй Цинхэ моргнул и поднял голову: “А? Отец? Я думал...” — Он никогда о нём не говорил, Сюй Цинхэ подумал, что тот умер:

“А где он сейчас? Почему я его не видел?”

Пэй Шэнье спокойно ответил: “Я его в тюрьму отправил. Думаю, там он просидит ещё лет тридцать-пятьдесят. Потом свожу тебя на свидание”.

Сюй Цинхэ: “...?!!”

Пэй Шэнье посмотрел на него, мягко сказал: “По сравнению с этим, тебе не кажется, что ты очень почтительный сын?”

Сюй Цинхэ: “...”

Чёрт... это вообще сравнивается?!

<http://bllate.org/book/15131/1337266>